

Приходской листок Патриаршего подворья
храма святителя Николая Мирликийского

У БОЛОМЕННОЙ СТРОЖКИ

№ 91
ЯНВАРЬ-
МАРТ
2014 г.

Читайте в номере

НОВОСТИ

**ГРЕЦИЯ.
ПОЕЗДКА
КЕРКИРА –
АФОН**

ПОЭЗИЯ

*Звания ничего не стоят. Важно совсем другое –
подготовка человека к вечности*

*Интервью с прихожанкой нашего храма
Людмилой Константиновной Ярославцевой*

Новости

1 декабря состоялось молитвенное помяновение алтарника нашего храма Александра Лагова и его мамы, Ларисы Александровны, на Перепеченском кладбище. Панихиду совершил священник Димитрий Туркин вместе с прихожанами нашего храма и родственником семьи. 3 декабря исполнилось четыре года, как раб Божий Александр отошёл ко Господу. Вечная память!

5 декабря по приглашению известного проповедника, духовника, церковного публициста настоятеля храма Живоначальной Троицы в Хохлах протоиерея Алексея Уминского группа молодёжи «ЕжеЧетверг» приняла участие в молебне об устроении семейной жизни, который был совершён в Троицком храме по окончании вечернего богослужения. Настоятелю храма сослужил ответственный за молодёжное служение нашего прихода священник Алексей Сорокин. По окончании молебна все участники собрались в трапезной храма, где протоиерей Алексей Уминский ответил на множество разнообразных вопросов о православной семье, Таинстве Брака, взаимоотношениях верующих супругов, о христианской любви. Благодарим приход храма Св. Троицы в Хохлах и его настоятеля за интереснейшую и полезнейшую встречу!

12 декабря настоятелем храма протоиереем Владимиром Новицким совершён молебен о болящих. Теперь в нашем храме такие молебны будут совершаться в 19.00 каждый четверг.

Что значит земная жизнь человека? Она – тень жизни, ступень к жизни, преддверие к Жизни Вечной...

Время нашей земной жизни бесценно: в это время мы решаем нашу вечную участь.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

15 декабря состоялась экскурсия для учеников Воскресной школы и прихожан храма в г. Покров. Покров является малым городом и находится в границах Петушинского района Владимирской области. Первое упоминание о поселении на месте нынешнего Покрова относится к 1506 г. Ребята посетили Женскую Введенскую островную обитель, где узнали историю возникновения этого монастыря. В городе ребята и прихожане нашего храма посетили ещё три музея: музей Шоколада, музей Ямщика и в городе Петушки – музей Петуха.

15 декабря состоялась паломническая поездка молодёжной группы «ЕжеЧетверг» в Николо-Угрешский монастырь, в которой принял участие священник Алексей Сорокин. Для участников поездки экскурсию по территории монастыря и его храмам провёл воспитанник Николо-

Угрешской духовной семинарии Роман Савчук, который не только рассказал об истории возникновения и формирования монастыря, но и обратил внимание гостей на главные святыни обители – мощи прп. Пимена Угрешского, частицу мощей свт. Николая Чудотворца, икону Божией Матери «Взыграние – Угрешская». После экскурсии по монастырю и поклонения святыням паломники были радушно приняты учащимися Николо-Угрешской семинарии, с которыми «ЕжеЧетверг» дружит не первый год. Встречу старых друзей посетил и благословил ректор семинарии игумен Иоанн (Рубин), который рассказал о миссионерской поездке семинаристов в Архангельскую митрополию, а также о визите в братскую Японскую Православную Церковь. Искренне благодарим отца Иоанна и дорогих учащихся семинарии за тёплый прием!

4 января по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в наш храм временно была передана икона Рождества Христова с частицей яслей Богомладенца для молитвенного поклонения верующих.

12 января клирики Северного викариатства города Москвы участвовали в богослужении и несли послушание в Храме Христа Спасителя, где временно пребывали Дары волхвов, православная святыня со Святой Горы Афон. Настоятель нашего храма протоиерей Владимир Новицкий сослужил Божественную литургию, а протоиерей Орест Оршак, иерей Антоний Игнатьев и иерей Алексей Сорокин дежурили в очереди к Святыне, утешая и поддерживая паломников. Также в составе группы волонтеров от нашего храма трудились молодые прихожане и участники молодежной группы «ЕжеЧетверг».

13 января священник Алексей Сорокин принял участие в архиерейском богослужении, возглавляемом ректором Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия митрополитом Волоколамским Иларионом, в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке.

14 января в приходском зале нашего храма состоялся молодежный творческий вечер, организованный группой «ЕжеЧетверг». В гости к нашим молодым прихожанам прибыли друзья из православной молодежи Минска и Гродно (Республика Беларусь), которые исполнили авторские песни под гитару, Рождественские колядки на белорусском языке, прочитали стихи. Вечер прошёл в тёплой, дружеской и праздничной атмосфере.

26 января состоялась бесплатная экскурсия по нашему храму, в ходе которой каждый желающий мог ознакомиться с историей нашего храма, постичь символику икон, получить основные представления об устройстве православного храма. Подобные экскурсии будут проводиться регулярно. Ориентированы экскурсии на самый широкий круг экскурсантов, в особенности на тех, кто делает первые шаги в Православии и интересуется православной верой.

27 января в рамках проходящих в Москве XXII Рождественских чтений в нашем храме состоялся семинар «Организация работы музеев по сохранению памятников новомучеников российских».

Семинар возглавил епископ Угличский Вениамин, викарий Ярославской епархии. Владыка уже много лет возглавляет секцию краеведения на Рождественских чтениях и проводит активную работу по сохранению памяти новомучеников в своей епархии. В работе семинара приняли участие многолетний куратор и организатор этого направления Даниленко Наталья Владимировна, протоиерей Кирилл Каледа, настоятель храма святых новомучеников и исповедников Российских в Бутове, протоиерей Иоанн Знаменский, благочинный церковью Кисловодского округа Пятигорской епархии, священник Вячеслав Малов из г. Касимова, монах Аристоклий, историограф Свято-Смоленской Зосимовой пустыни, краеведы, сотрудники музеев и просто неравнодушные люди со всей страны: из Москвы, Белгорода, Екатеринбурга, Новосибирска, Соловков и многих других мест нашей страны.

В рамках семинара диакон нашего храма отец Максим Дулёв провёл экскурсию по имеющейся в нашем храме экспозиции, рассказал об истории создания и восстановления храма, сохранении памяти священномученика Василия Надеждина. Рассказ о священномученике Владимире Амбарцумове прозвучал из уст его внука протоиерея Кирилла Каледы. Практически каждому участнику семинара удалось поделиться опытом проводимой в их приходе и епархии работе. Были представлены вышедшие в период с предыдущего семинара книги и исследования на тему православного краеведения.

Семинар вызвал интерес у телеканала «Союз», который снимал проводимое мероприятие, а также брал интервью у участников семинара.

Отдельную благодарность хочется выразить старосте храма Василию Михайловичу и сотрудникам, помогавшим в организации мероприятия и подготовке чаепития перед ним.

30 января день своего тезоименитства отметил клирик нашего храма священник Антоний Игнатъев, которого по окончании Божественной литургии поздравил настоятель нашего храма протоиерей Владимир Новицкий.

От лица духовенства, всех сотрудников и прихожан храма мы поздравили отца Антония с Днем Ангела и искренне пожелали ему милости Божией, телесного здоровья. Многая Вам лета!

6 февраля после молебна о болящих настоятель нашего храма протоиерей Владимир Новицкий и сёстры милосердия, которых окормляет батюшка, приняли участие во встрече молодёжной группы «ЕжеЧетверг».

В тёплой домашней обстановке отец Владимир рассказал молодым прихожанам о работе сестричества, о послушаниях сестёр в больницах, госпиталях, социальных учреждениях. Сёстры милосердия подготовили сообщения «О любви к Богу и ближним» по учениям Святых Отцов, а отец Владимир дополнил эти сообщения своими духовными советами.

На встрече прозвучало много вопросов к настоятелю, касающихся его врачебной практики, прихода к вере, социального служения.

Надеемся, такое духовное общение продлится и в дальнейшем, а кто-то из молодых прихожан сможет найти себя в делах милосердия.

8 февраля состоялось отпевание почётного настоятеля храма Воскресения Слоущего на Успенском Вражке протоиерея Владимира Романова, который отошёл ко Господу после продолжительной болезни на 66-м году жизни. Отпевание возглавил благочинный Центрального округа г. Москвы протоиерей Владимир Диваков, которому сослужил сонм клириков, среди которых был священник Алексей Сорокин. Вечная память новопреставленному протоиерею Владимиру!

Главная тема

Звания ничего не стоят. Важно совсем другое – подготовка человека к вечности

Беседа с удивительным человеком – прихожанкой нашего храма Людмилой Константиновной Ярославцевой о её вере, посещениях храма в период тотальной слежки, дружбе со священником Сергием Сидоровым († 2005 г.), тонкостях работы вокальным педагогом в РАМ им. Гнесиных, любимых учениках и о том, как соловей, окончивший консерваторию, может превратиться в воробья.

– Людмила Константиновна, Вы верующая, а родители Ваши были верующими?

– Конечно, родители мои верующие. Но после революции определяющей идеологией стал атеизм, поэтому мои родители перестали посещать церковь. В общем, жили так, как все мы жили. Но, несмотря на все запреты, когда я была деканом двух факультетов, ходила в церковь. Мой маршрут был такой: на 47-м до Садовой, потом на 10-м троллейбусе доезжала до площади Восстания (сейчас она называется Кудринская) и там пешком добегала до моего любимого Института им. Гнесиных, который я окончила и в котором потом 68 лет работала. В этом институте я подготовила диссертацию, посвящённую певческому дыханию, получила звание и должность профессора, в коих я пребывала до 85 лет, то есть до самой пенсии. Я была деканом вокального факультета. На 10-м троллейбусе я ехала до Ваганьковского кладбища и заходила там в храм. Молилась, а потом шла на работу.

Как-то меня вызвали в партком и сказали: «Как же так, Людмила Константиновна, Вы – декан, член партии, – а не членом партии я не могла не быть, потому что декан обязан быть членом партии, и Вы ходите в церковь?» И тут я слукавила: «Я смотрела, нет ли там студентов». «А, ну тогда правильно Вы делаете». И отпустили меня с Богом.

Помню, как пришла в храм и увидела на клиросе моих студентов. Глаза у них были испуганные. Они понимали, что если декан их увидел и потом ещё сообщит в ректорат – они полетят из института. Я подождала, когда они стали расходиться, и подозвала одного из них, наиболее хорошо знакомого: «Серёжка, всё спокойно. Ходите, молитесь, я вас не видела и не слышала. Всё будет в порядке». К сожалению, приходилось лукавить. Но лукавила всё-таки во имя Божие.

– А как о Вас узнали, кто-то следил?

– Конечно! Ещё как следили! В то время где бы человек ни был, всегда были «наблюдатели», которые работали. Причём мы их не знали. Я предполагала, скажем, что вот этот, наверное, энкавэдэшник. Слежка была во всём. Если вы приходили в кинотеатр, то могли быть уверенными, что там тоже кто-то есть, кто смотрит, как вы реагируете на то, что показывают. Время, в которое мы жили, было очень трудное. И надо было много сил, чтобы выстоять.

Но по-настоящему в храм я уже пришла тогда, когда умерла моя дочка. Я шла мимо нашего храма, который только восстановили. Я зашла туда, увидела очень красивого с пышной чёрной гривой священника, подошла к нему и сразу как-то почувствовала, что это будет очень близкий мне человек. И он действительно оказался таковым, очень большим моим другом, которого, к сожалению, я очень быстро потеряла... Это был отец Сергей, который умер в 2005 году. Он был совсем ещё молодой. Ему было всего лишь 33 года – возраст Христа. Умер неожиданно: шёл в храм на службу и по дороге умер. О нём я скорблю до сих пор. Нет, не скорблю, он всегда рядом со мной...

Я всё время ходила в наш храм. Сейчас, к сожалению, не хожу, потому что здоровье не позволяет. Все священники храма очень милые и хорошие. Я с теплом вспоминаю отца Михаила Михайлова, который теперь, к сожалению, служит в

другом храме. Я очень хорошо отношусь ко всем нашим батюшкам, считаю, что храму повезло со всеми священниками. Они все очень милые люди, с хорошей верой. Я жалею, что не могу ходить в храм, скучаю о нём. Сейчас меня утешает отец Димитрий, прекрасный священник и человек, спасибо ему большое.

– Чем запомнился Вам отец Сергей?

– Во-первых, это человек глубокой, настоящей веры. Может, кажется странным, что я это говорю, потому что все, кто служит в храме, кто туда ходит, верующие, конечно. Но такую искреннюю, глубокую веру редко встретишь. Именно такой верой обладал отец Сергей. Он был доброты необыкновенной, никогда никого не осуждал, любил всех. И это были не слова. Мы с ним очень подружились. Он бывал у меня довольно часто. Не как священник, а просто как очень дорогой, близкий мне друг. Мы говорили с ним о многом: о жизни, о вере, об искусстве. Он очень любил музыкальный театр. А так как у меня в Большой театр был открытый путь (там пели и поют много моих учеников), я его часто приглашала туда. Он любил оперу. После посещения театра мы с ним обсуждали услышанное. Хочется отметить, что отец Сергей хорошо знал живопись. Мы ходили с ним на выставки, особенно импрессионистов. У него была книжечка об импрессионистах, которую я ему подарила. Таким он мне запомнился. Я поддерживаю связь с родителями отца Сергея. Мы созваниваемся и пишем друг другу письма. Его мама вспоминала, что когда батюшка приезжал в родительский дом, то с порога рассказывал: «Мы с Людмилой Константиновной делали то-то и то-то». Словом, это был ближайший мне друг. И такого у меня больше нет.

– К Вам до сих пор приходят ученики.

– Да, они приходят не для того, чтобы заниматься, а чтобы рассказать о своих радостях, о своих горестях, посоветоваться в чём-нибудь, может быть, что-то узнать. Это уже мои друзья. Со всеми моими студентами у меня до сих пор близкие отношения. Вот сегодня в 4 часа ко мне придёт Юра, который кончил институт (если бы дал Бог памяти вспомнить, когда это было) где-то в конце 70-х годов. Представляете? Он, конечно, уже не тот хорошенький чёрненький Юрочка, который был, а уже седой толстопузый дядька, или, вернее, дедушка. Ему уже самому 73 года. В 90-х годах он уехал в Америку, побывал там, а потом вернулся опять в Россию и работает певцом филармонии и вокальным педагогом. Он приходит уже просто как мой друг. Когда он приехал из Америки и узнал, что я потеряла всех моих близких, осталась одна, то позвонил мне и сказал: «Людмила Константиновна,

С отцом Сергием Сидоровым

я хочу Вам чем-нибудь помочь. Просто что-то для Вас сделать. У меня есть машина. Хотите я Вас куда-то доведу?» А мы с ним не виделись тогда уже лет 15, наверное. Так что у меня с моими студентами всегда были очень хорошие отношения. Наверное, потому, что я их всех любила. Хотя была строгим деканом, меня боялись. Об этом Юра даже вспоминает: «У, идёт декан, к нему опаздывать нельзя. Но мы всё равно все Вас очень любили». И я их любила, хотя была строгим и требовательным деканом: халтурщикам и лодырям доставалось крепко, а вот хорошим помогала, чем могла. Так иногда удавалось, воздействуя на педагогов, изменить поставленную «3» на «4», чтобы я имела возможность назначить стипендию. Да, вероятно, вспоминая доброе, они и не забывают меня.

Но сейчас, конечно, это не такие частые посещения, потому что время очень трудное: всем надо копейку зарабатывать, у всех очень много различных обязанностей. У многих дети уже взрослые, у кого-то маленькие. У Юры, например, уже у самого внуки. А есть ещё студенты, которые недавно закончили, они ещё молодые. Кто-то ещё не вышел замуж или не женился. Но обязательно нужно мне всё это рассказать, попеть, конечно, показать, что осталось. Приходят не так уж часто, но телефонные звонки постоянные.

Так что я не могу пожаловаться. Благодарю Господа, что Он даёт мне хороших людей. Как-то так получилось, что в моей жизни плохих людей не было. А если появлялись, чувствовалось, с червоточинкой, то они вылетали как пробка из бутылки шампанского. Плохих не держим. Это как знак качества: если пришёл ко мне и остался, это, значит, хороший человек.

– Каким должно быть отношение педагога, чтобы научить ученика?

– Прежде всего надо его любить. Христос сказал: *Любите друг друга*. Если есть любовь, всё получится. Если, скажем, неудачливый педагог, но он любит студента, то найдёт какой-то подход, который ему же поможет стать хорошим педагогом.

На заседании кафедры

Это обязательно. Я ставлю это во главу угла. И, конечно, профессионализм. И то, и другое должно быть. Потому что если сам педагог не профессионален, если он не знает того, что он преподаёт, тогда из него тоже толка никакого не получится. Вот два качества, которые необходимы.

Но у меня есть недостаток, должна сознаться, я люблю красивых людей. Наверное, когда я первый раз увидела отца Сергия, то первое, на что я обратила внимание, что он красивый. Ну люблю красивых. Может быть, мне кажется, что Господь хорошему человеку даёт хорошее лицо.

– Вы в детстве сами потянулись к инструменту или родители вас направили?

– О, это очень интересная история. Как я и сказала, мой папа был большой любитель музыки вообще и вокального искусства в частности. Он родился в селе Рогачёве, его растила мама, папа рано умер. Он кончил только начальную школу. У меня до сих пор хранится Евангелие, которое подарил протоиерей этой школы. Папа самоучка, но был интеллигентнейшим человеком, который знал литературу, историю, с которым интересно, легко и приятно было разговаривать. Он сам выучил немецкий язык, сам выучился играть на фортепиано. Всё сам. И когда у него росли дети, а именно сын и я, конечно же, он хотел, чтобы я занималась музыкой и отдал меня в музыкальную школу. Мне было 7 лет. У меня была противная учительница, которая постоянно зевала, смотрела на часы и говорила: «Ну, давай, ещё разочек сыграй. Ну, хватит, наверное». Я пришла и сказала: «Я к этой мымре ходить не буду». – «Люсенька, как не стыдно, как ты можешь такое говорить!» Но я повторила те же слова и не стала ходить к ней. Характер у меня был ещё тот. И возобновила своё желание учиться только когда мне стало 14 лет. В этом возрасте меня опять отправили в школу, которую я и окончила. Мне там очень нравилось, я стала заниматься, у меня уже был хороший педагог. И потом я поступила в училище на фортепианный

факультет, думая, что я буду пианисткой. Но тут Господь повёл меня по другому пути. Всю жизнь я хорошо играла и много аккомпанировала другим певцам.

– Как вести себя с детьми, которые начинают учиться игре на инструменте и не хотят заниматься, выполнять домашние задания?

– За шиворот не надо, надо с любовью, хвалить как можно больше. Может, невесть как играл ребёнок, а надо сказать: «А ты знаешь, мне понравилось. Это здорово ты сыграл». Не ругайте, а похвалите: «Умница! Ты знаешь, какое ты мне доставляешь удовольствие!». Не то, что: «Ну когда ты сядешь играть? Ну когда?». Не надо. Наоборот: «Хорошо. Молодец!» Как можно больше хвалите. Не бойтесь перехвалить, не будет никакого сомнения. Потому что человек должен быть уверенным в себе, обязательно. Если неуверенный – ничего хорошего не получится. Не лупи! Христос нам дал такой рецепт: *Любите*. Вот сейчас отец Димитрий дал мне один совет с моим внуком, тоже про любовь, кстати, и я ему очень благодарна и чувствую, как ему это идёт на пользу, как это открывает в человеке душу, возможности какие-то. А когда лупят и ругают, никаких возможностей нет. Может, ребёнок и выучится играть, но любить не будет, а значит, и радости другим доставлять не будет. А ведь радость – это самое главное, ради чего всё делается. Я когда пишу письма (сейчас уже письма не пишут, немодно), желаю радости как можно больше. Желаю вам радости как можно больше! Больших и маленьких, только бы радостей. Ведь такой дефицит радости. По крайней мере, своим-то, близким, мы можем её доставить? Найдите в ребёнке что-то хорошее, «схватите» это хорошее и говорите как можно чаще об этом. Поддерживайте то, что нравится. У меня вся жизнь за спиной. Ошибка многих родителей в том, что они не так, как нужно, поддерживают своих детей. Мало поддерживают их.

– Кто у Вас любимый композитор?

– Самый любимый у меня И. Бах. Вслед за ним С. В. Рахманинов. Из мировых композиторов И. Бах, потому что, во-первых, это был глубоко верующий человек. Когда он сочинял, то сначала на нотном листе надписывал: «Господи, помоги мне». Только так. Он начинал писать только после того, как помолится. И, наверное, оттого, что все его произведения посвящены Богу и благословлены Им, они такие замечательные, глубокие, в них весь смысл жизни. Как, скажем, в сочинениях нашего поэта А. С. Пушкина отражены все стороны жизни, точно так же и у Баха в его произведениях. Что касается русских композиторов, это, безусловно, Пётр Ильич Чайковский. Это тоже величайший композитор мирового значения. А такой вот такой русский-русский, – это Сергей Васильевич Рахманинов. Послушайте его «Всенощное бдение», и вам всё станет ясно, что это за человек, что это за композитор.

– Как Вы относитесь к народному пению?

– Народное пение – это основа основ. Дело в том, что сейчас народное пение как-то в загоне. Хотя его начали возрождать. Первоначальник возрождения народного пения – Владимир Николаевич Минин, мой любимый, дорогой, талантливый, гениальный, совершенный музыкант и педагог. И вот его камерный хор поёт народные песни и церковные произведения так, как нужно, и это замечательно! Народная песня, когда она поётся не «дурным голосом», а естественным, тёплым, народным, – прекрасна. Это основа основ. И все большие певцы: Михаил Дормидонтович Михайлов, Фёдор Иванович Шаляпин (это сам народ!) начинали с народных песен. Послушайте, как поёт Шаляпин, и вы поймёте, как соединяется оперное пение с народным. Простота, красота и естественность народного пения и умение оперного пения. Всё это в одном Шаляпине.

– Как Вам кажется, поставить голос и научить петь можно любого человека?

– Как-то петь может каждый человек. Но хорошо петь – это когда Господь Бог дал при рождении этот дар. Умение научить – это тоже дар человеческий, и здесь тоже первым фактором должна быть Любовь. Любовь к этой специальности, любовь к человеку. Однако человек может научиться, если он сам хочет научиться, если он сам может себе помогать, не быть «попугаем» (т.е. педагог сказал так и только так). Ты проанализируй: «А почему так, а зачем так?» Потому что есть такой афоризм, который, к сожалению, в жизни очень часто встречается: «Что такое воробей? – Это соловей, который окончил консерваторию». К сожалению, таких «воробьёв», которые окончили консерваторию, очень много. Неодарённый педагог, сам не владеющий по-настоящему голосом, может человека, который приходит к нему с даром Господним, с хорошим голосом, испортить, повести не туда. В силу своей некомпетентности, незнания физиологии певческого голоса. Он верит, что он приносит пользу, но учит его не так. И вот, ко II–III курсам сам человек понимает, что голос, которым он владел (не был обработан, но лился хорошо), становится хуже и хуже. Раньше человек приходил домой и все просили его: «Ну, Ванька, ну, спой, ты же так здорово поёшь!» А потом: «Что-то не то у тебя». – «А что не то?» – «Не знаю. Что-то ты учишься, а получается плохо». И вот он из соловья в воробья превратился. Сломлена жизнь, сломлена

профессия... и таких, к сожалению, не-ма-ло! Я это говорю ответственно, проработав 70 лет в этой специальности.

Для меня самый основной принцип был: «Не навреди», как у врачей в клятве Гиппократов. Поэтому я просила давать мне больше лекционной нагрузки, тут уж точно не наврежу, а ума вправлю.

У меня была одна ученица, Аня Муравьёва, с очень красивым, нежным голосом, но ограниченного диапазона. И она своей красотой шла до фа диэз или до соль второй октавы, а дальше он у неё как-то портился и всё. И мои коллеги говорили мне: «А что Вы ей верх не сделаете? Подтяните её туда!» Я сказала: «Э, нет... вот я подтяну её туда, и она потеряет эту красоту. Не знаю, как сделать ей так верх, чтобы красота пошла туда». И я сделала другое. Я сохранила ей этот красивый голос, с которым она потом работала в филармонии в Твери, была хорошей артисткой, а после педагогом. Сейчас она уже на пенсию ушла и пишет мне письма, благодаря за всё. Она никогда не пела большие арии, потому что не было этого «верха». Может, кто-то бы и «вытянул», но я этого не сделала, боясь испортить, и Господи, Тебя благодарю. Во всяком случае, жизнь я ей не испортила, и она прожила хорошо со своим красивым голосом.

Я не то, что не люблю это делать, а делаю с очень большой осторожностью. Потому что у меня у самой был не очень хороший первый опыт. Я поступила в институт, когда был конец войны. А во время войны я очень много пела в госпиталях, в воинских частях, не учась, получила от Министерства культуры благодарность. Я, правда, была пианисткой, я с детства училась на фортепиано, много и хорошо играла и пела непоставленным, но красивым голосом. Пела легко, свободно. Был композитор Бакалов, который специально для меня писал песни, и мы с ним выступали. Папа мой работал на военном заводе, и мы уехали в эвакуацию. В эвакуации я поступила в музыкальное училище на фортепианный факультет и меня включили в концертную бригаду. Меня спросили: «Ты умеешь петь?» – «Умею», – сказала я, ничтоже сумняшеся. И я легко и свободно с успехом пела песни. Не знала, что такое верх, низ, что такое ставить голос. Пела и пела. И туда приехал профессор из эвакуированной Ленинградской консерватории, услышал меня и сказал: «Вам нужно обязательно учиться петь. Вы так хорошо играете и поёте хорошо, но надо учиться».

Елена Фабиановна Гнесина

Когда я вернулась в Москву поступать, приёмные экзамены в консерваторию и в только что открывшийся Институт Гнесиных уже закончились. Я иду грустная и встречаю одного из скрипачей из нашей концертной бригады. Он спросил, почему я такая грустная. Я рассказала: «Да вот пришла, а везде уже закончились приёмные экзамены, а мне сказали, что у меня хороший голос и что мне надо учиться петь». Он говорит: «О, подумаешь! А Вы идите прямо к Елене Фабиановне Гнесиной. Она живёт на Собачьей площадке». Это было такое место, которое сейчас снесли, потому что через Собачью площадку провели Новый Арбат. В 19 лет у меня было сил сколько угодно, смелости сколько угодно, дури сколько угодно. И я к знаменитой Елене Фабиановне Гнесиной явилась прямо домой. «Здравствуйте, Елена Фабиановна, я хочу учиться». Она смеётся и говорит: «А как ты с музыкой?» – «С музыкой я дружу, я пианистка, играю хорошо. Окончила музыкальную школу, два курса училища, только вот петь хочу научиться». Она говорит: «Ну, давай, спой. Что ты споёшь?» Я отвечаю: «Что хотите, то и спою» – «Так вот что хочешь?» – «Да, что хотите, то и спою». «Ну, давай, например, “Девушка и смерть” Шуберта. Сможешь спеть?» И смеётся. Потому что это такой романс, который надо уметь. «Пожалуйста». Спела ей этот романс, потом что-то ещё. Потом мы с ней поговорили, она меня спросила, что я люблю читать, какая живопись нравится, какие человеческие качества ценю, одним словом, прощупывала, что я из себя представляю. После часовой беседы она сказала: «Ну вот, дружок, иди сейчас на 2-й этаж, там профессор Ферман Валентин Эдуардович, он как раз закончил приёмные экзамены. Ты ему скажи, что я тебя приняла в институт без экзаменов. И мы увидимся с тобой на 1 курсе». Вот так я поступила в институт. И, конечно, меня сразу включили в концертную бригаду. Но я попала к педагогу, который не придерживался моего принципа: «Не навреди».

Дома я, конечно, занималась, пела, как меня учили. И вдруг, к концу II курса мой папа, который очень любил вокальное искусство, хорошо разбирался в музыке, много бывал в Большом театре, хорошо знал артистов как певцов, понимал в этом деле, сказал: «Ты знаешь, что-то мне не нравится, как ты стала петь. У тебя пропадает твой тембр голоса». Я возмутилась: «Ты ничего не понимаешь! Меня учит профессионал, доцент, он всё знает!» Папа сказал: «Не знаю, что знает твой доцент, но я слышу, что голос твой теряет свои хорошие качества».

Это был первый сигнал. А к концу II курса мой диапазон сократился до октавы. И педагог говорит: «Это у тебя на нервной почве». И начали мне лечить нервы. А я была здоровая, весёлая, совершенно никаких «нервов» у меня не было. И тут спас меня наш профессор по методике вокального искусства – Всеволод Алавердович Багадунов. Мне очень нравились его лекции, я сидела, затаив дыхание, смотрела ему в глаза и записывала каждое его слово. Лектор он, правда, был не очень важный. Голос у него был такой старческий: «Мы сегодня говорили с вами об итальянском педагоге Франческо Ламперти». Мои подруги не слушали его, писали ноты. Тогда не было никаких ксероксов, надо было самим всё это делать. А я слушала его. И спасибо ему. Когда он умер, а я стала педагогом института, я начала читать лекции по истории вокального искусства. И учебник написала, учитывая то, что мне говорил Всеволод Алавердович. Царство ему Небесное, светлая память о нём. На себе я испытала, что такое попасть к неумелому педагогу. И меня спас Всеволод Алавердович. Он говорит: «Мне не нравится, что Вы грустная. Вы такой весёлый человек. В чём дело?» Я сказала, что у меня проблемы с нервной системой. «Что-то я не замечал у Вас “нервную систему”. Знаете что? Приходите ко мне домой. Мы с Вами поговорим, я Вас послушаю». Я пришла, он меня послушал и говорит: «Ну вот, нервную систему отставим. Я с Вами начинаю работать, заниматься, постараюсь восстановить Ваш голос. Но моим требованием является, чтоб Вы не ходили к Вашему педагогу, потому что мышцы человеческие, организм человеческий не выносит насилия. Как Вы будете ухитряться – я не знаю. Вы поняли меня? Вы должны осознанно заниматься, понимать, что Вы делаете, разбираться, анализировать всё. И мы тогда вместе с Вами придём к хорошему результату. Но к педагогу Вы больше не ходите. Не ругайте его. Ну не удалось ему. Но, может, другим он поможет, а вот ваш голос очень нежный, очень красивый, не поддался этой тренировке и испортился. Мы постараемся это починить. Если вы когда-нибудь мне сунете рубли, то я вас больше видеть никогда не захочу!» Это было не такое время, как сейчас, когда всё за деньги, а это было действительно искреннее желание человека, который в этом понимал, мне помочь. Он был самый крупный методист вокального искусства, то есть вся теория была у него. Я стала заниматься, и через три месяца он мне вернул

диапазон. Но ко мне ещё не вернулась уверенность, которая была. Это было очень трудно, поскольку был психологический слом. Его любовь, его знания вернули мне мой голос. Я ухитрялась не ходить к своему педагогу. Брала фальшивые справки о нездоровье. В это время как раз у меня родилась дочка. На неё свалила. То дочку не с кем оставить, то ещё чего, но это всё враньё было, потому что была мама, которая ухаживала за ней. Но что делать? Тут уж была ложь во спасение. Пришлось лукавить всё время. Тот педагог меня спрашивал: «Как же ты пойдёшь на диплом? Ты же не занималась!» – «Ну как-нибудь, как-нибудь» – «Ну ты же можешь “двойку” получить» – «Ну ладно, “двойку” и “двойку”» – «Тебе же диплом не дадут» – «Ну диплом не дадут». Но спела я достойно. И председатель комиссии Селиванов, хороший бывший певец, говорит: «Слушайте, она хорошо поёт». В комиссии сидел мой Всеволод Алавердович, который знал всю эту историю и благодаря которому я вернула свой голос, он был красный как рак, потому что его захватывало страшное возмущение. Но правду-то мы не могли рассказать. Так что я в какой-то мере была тот самый воробей, который был прежде соловьём.

– Что Вы пели на дипломе?

– 12 произведений. Первым я пела арию Вани из оперы Глинки «Иван Сусанин»: «Бедный конь в поле пал». Красивая и сложная ария. У меня был низкий голос – меццо-сопрано. А ошибка педагога была в том, что он тянул его вверх. Это не свойственно моей физиологии. Как мой нос сделать курносый? Я бы хотела быть курносой, но из этого ничего не получится. Так и с голосом. Нельзя из того, что мне дал Господь, делать что-то другое. Можно только развивать то, что Он дал, то, что тебе свойственно.

– Что Вы любили петь ради удовольствия, для души?

С воспитанниками детского дома «Павлин»

– А я всё пела от души. Мне нравилось всё то, что рекомендовал мне мой педагог Всеволод Алавердович, мне было это интересно, я с удовольствием это пела. Но, конечно, когда дома собирался народ, я не пела Генделя (это трудно для восприятия), а пела песни Бакалова, которые исполняла во время войны, что-то что было тогда в моде. Как все люди. Не могу сказать, что что-то особенное было.

– Я рассматриваю Ваш фотоальбом и на фотографии вижу вокруг Вас много детей. Что это за дети?

– Это воспитанники детского дома «Павлин». Как-то я шла в храм и увидела объявление: «Детскому дому “Павлин” требуется завхоз». Я позвонила по указанному номеру директору детского дома Юрию Васильевичу, и у нас состоялся такой диалог:

– Здравствуйте. Я не завхоз, а профессор Института имени Гнесиных.

– О, нам такое не нужно.

– А почему?

– Так Вы же будете требовать с нас большие деньги.

– Я вообще не буду просить денег, а буду работать во славу Божию, заниматься с ребятами музыкой.

– Вы знаете, у нас ведь очень трудные дети.

– Не знаю, я попробую, может быть, у меня что-нибудь получится.

– Ну хорошо.

Через некоторое время я пришла. Познакомилась с директором. Со временем я поняла, что это редкий человек, подвижник, беззаветно любящий и жалеющий детей. Он собирал беспризорников по вокзалам, приводил к себе домой, отмывал и пристраивал. Юрий Васильевич собрал всех ребят. Каждый подошёл, назвал своё имя. Я им сказала: «Ну вот, ребята, мы с вами будем заниматься музыкой, петь песенки, играть». С этого дня я стала к ним ходить два раза в неделю. Сначала они

немного дичились, побаивались, но через неделю привыкли, встречали меня очень радостно. Поскольку я понимала, что играть на фортепиано трудно, надо иметь усидчивость, много работать, а у ребят таких условий, конечно, не было. Я сочиняла им песенки. Первая была такая: «Наш любимый детский дом. Хорошо живётся в нём». И дальше на злобу дня. Ребята с удовольствием пели. Так продолжалось года 3–4. За это время я стала потихонечку стареть, и мне стало тяжело ходить к ним. Тогда я предложила

приходить ко мне домой. Но это были встречи уже другого характера. Всегда это был какой-то мой свободный день (тогда я ещё работала в институте). В назначенный час в домофоне раздавались радостные голоса: «Бабушка, это мы пришли». И через несколько минут в мою квартиру врывается весёлая компания счастливых детей. Мне все они были очень милы. Но особенно дорогими были способные с неординарным характером Паша, Костя, Саша и на редкость музыкальный ясноглазый Серёжа. Я им готовила обед. Ребята слушали музыку, ели, смотрели мультки. В общем, они прибегали ко мне с ещё большим удовольствием, чем там, потому что занятия были уже весьма относительные. Мы больше играли, пели. Также мы очень много беседовали, все дети стали родными и близкими. Это продолжалось около 10 лет.

За это время на смену Юрию Васильевичу пришла Татьяна Абрамовна. Тоже очень хорошая, любящая детей, она родственница отца Дмитрия Смирнова, чей храм курирует этот детский дом. Она поощряла занятия музыкой, отмечая отличную работу педагога по фортепиано Татьяны Дмитриевны. Нельзя не вспомнить замечательного воспитателя Михаила Владимировича, который был постоянно с ребятами, занимался с ними, пытался в какой-то мере заменить им отца, заботился о духовном воспитании, молился вместе, водил в храм на Причастие – словом, всю душу и сердце отдавал детям. Совместными усилиями мы подготовили некоторых детей к музыкальному училищу.

По-разному сложилась судьба воспитанников детского дома «Павлин». В основном удачно. Некоторые продолжают осваивать профессию музыкантов в различных вузах. Так, Саша, обучающийся в гуманитарном институте, станет в будущем звукорежиссёром, а Серёжа, учащийся в военной академии, – дирижёром военного оркестра. А Паша, о котором директор говорил, что он очень трудный – а трудный он был потому, что мама его была лишена родительских прав, а сын был очень привязан к ней и часто плакал в детском доме: «К маме! К маме!» – к сожалению, не стал продолжать своё обучение и не реализовал своих возможностей. Хотя мальчишка был очень способный. Теперь у него семья и растёт ребёнок.

– А на этой фотографии рядом с Вами студенты другого института. Как они у Вас оказались?

– Когда я стала очень болеть и не могла ездить в институт, ко мне стали приезжать студенты Института Гнесиных. Вдруг раздался телефонный

Со студентами Института им. М.М. Ипполитова-Иванова

звонок и со мной говорил заведующий кафедрой Института им. Ипполитова-Иванова – бывший наш студент Юра Савельев. Он попросил выручить, потому что педагог, который читал историю исполнительства, умер. Я ответила, что с удовольствием помогу, но не могу ездить даже в свой родной институт.

– Студенты будут приезжать к Вам.

– Сколько же их человек?

– Десять.

И вот все они явились. Первым вошёл высокий светловолосый мальчик с большим букетом цветов, а за ним вся орава. Я всех рассадила и начала читать лекции. Ребята ходили и слушали с удовольствием, им было интересно. Этот курс длился год, в течение которого мы очень сблизились. И до сих пор некоторые ребята остаются моими друзьями.

– Расскажите о своей работе в институте.

– По окончании института и после 10-летней работы концертным исполнителем я с удовольствием пошла на педагогическую работу, любовь к которой мне привил пример Всеволода Алавердовича. Я поняла, что педагог может очень многое сделать как хорошего, так, к сожалению, и плохого.

Когда я начала преподавать на кафедре сольного пения, там уже работал мой сокурсник, певец и врач по первому медицинскому образованию Леонид Борисович Дмитриев, который выдвинул идею создания лаборатории физиологии пения для того, чтоб получить объективные данные о работе всех частей голосообразующих органов (дыхания, гортани, резонаторов) и на основе полученных данных создать разумную методику, которая бы позволила не превращать соловьёв в воробьёв. Потому что метод вокальной педагогики эмпирический: пой так, как пою я. Но кроме того, что педагог должен быть хорошим певцом, чтоб показать, как петь, он должен уметь теоретически это обосновать. И тут вступал в строй субъективизм. «Я ощущаю так, и ты ощущай так.

Снятие характеристик дыхательных движений у певицы La scala Маргариты Гульельми

Направь, пожалуйста, звук к переносице». Или: «Ощути его на верхних зубах». Или: «Пой так, как будто у тебя во рту горячая картошка». Но эти субъективные ощущения у певца одни, а у ученика другие. Отсюда возникает разноречивость, непонятливость, в результате чего соловьи превращаются в воробьёв. Хотелось исправить это. Мы поделились идеей создания лаборатории с ректором института Юрием Владимировичем Муромцевым, очень хорошим музыкантом и мудрым человеком. Он понимал, что должна быть объективная методика и всячески нас поддержал. Была создана компания людей, заинтересованных в рождении такой методики. Леонид Борисович Дмитриев, ставший к тому времени кандидатом искусствоведения, профессором, возглавлял лабораторию, куда также входили Валентин Львович Чаплин – врач-фониатор, я и ещё два-три педагога, поддержавших эту идею. Я решила заниматься дыханием, потому что считала, что одним из моментов, которые у меня были недостаточно освоены, было певческое дыхание. Оно какое-то особенное. Я так вам целую лекцию прочитать могу. Именно этому посвящена моя диссертация.

Испытуемыми были студенты вокального факультета и оперные певцы самых разнообразных категорий, как начинающие, так и народные, широко известные. Например, Наталья Дмитриевна Шпиллер, Павел Герасимович Лисициан. Все с удовольствием откликнулись на наш призыв и приходили в лабораторию с тем,

чтобы мы могли изучать их особенности. В это время из итальянского театра La scala приехала целая группа певцов. Это было первое посещение Советского Союза иностранцами. Я снимала характеристики дыхательных движений у знаменитой в то время певицы Маргариты Гульельми.

В то время это была единственная лаборатория физиологии пения в Советском Союзе. Мы были пионерами. Однако со временем наша лаборатория распалась. Вероятно, потому, что студенты, шедшие нам на смену, больше интересовались исполнительством, а не теорией. К своему делу мы относились не дилетантски, а очень серьёзно, в нашей лаборатории были врачи, которые понимали в этом деле, у нас был тесный контакт со многими крупными лечебными учреждениями. Например, Институтом им. Вишневского, где я проводила спирографические исследования, то есть узнавала, каким количеством воздуха должен обладать певец, чтобы обеспечить красивое, льющееся, долгое звучание. В этом институте исследованиями руководил крупный физиолог дыхания Лев Лазаревич Ших, у которого я сдала потом кандидатский минимум по физиологии. Также мы под руководством крупных клиницистов контактировали с Институтом им. Склифосовского. Там тоже мы исследовали анатомические особенности голосового аппарата.

Когда я препарировала в морге Института Склифосовского, на цинковых столах лежали два человека. Один пожилой, заслуженный профессор, а другой молодой человек, бездомный. Оба лежали голенькие, холодные, у каждого были прилеплены бирочки на ноге, чтобы отличить одного от другого. Разрезала грудную клетку, достала трахею одного и другого. Увидела, что у старого она жёсткая, склерозированная, не поддаётся изменениям, а у молодого гибкая. Самое интересное, что независимо от того, кто кем являлся: один известный профессор, лауреат, автор работ – в общем, человек с кучей достоинств, а у другого ровным счётом ничего, – смерть их объединила. Они оба голенькие, холодные, с бирочками на ногах. И совершенно ясно, что звания ничего не стоят. Важно совсем другое – подготовка человека к вечности. А как это сделать, решает каждый с помощью работ Святых Отцов, хороших и опытных батюшек. Не какие-то внешние достоинства, а внутренние: доброта, умение сочувствовать, дорожить каждой минутой, и благодарить Бога за каждую минуту – это самое главное, по моему мнению. Препарирование ещё раз доказало то, что очень мудро написано в Евангелии.

– Спасибо большое за Ваш опыт и знания!

Беседовала Наталья Пронько

Паломничество

Греция. Поездка Керкира – Афон

Игорь Дубровский и Владимир Иевлев

Продолжение. Начало в №№ 89, 90

Отъезд на Святую Гору

Ранний подъём, получение диамонитириона, покупка билетов на паром, завтрак. Всё рядом, на расстоянии 300 метров, очередей почти нет (несколько человек), поэтому всё происходит достаточно быстро. В 9.45 отход парома. Махание чепчиками, слёзы – всё отменяется. Женщинам нашим хорошо отдохнуть после утомительных гонок. А нас ждёт Удел Пресвятой Богородицы – Святая Гора Афон.

На саму Гору мы в этот раз не ходили – во-первых, дождь, во-вторых, по-хорошему это занимает два дня. В прошлом году мы вышли из Нового Скита в 6.15 утра, во втором часу поднялись до Панагии (это маленькая церковь на высоте 1500 метров, в пристройке к которой стоят двухъярусные железные койки, в углу колодец с чистой водой). Наши оставались там отдыхать, а потом в ночь ушли на гору (2033 метра), чтобы встретить там рассвет. Священники служили на самой Горе, и все вернулись только около 17 часов следующего дня. Договорились с монахом нашей каливы отцом Павлином и ходили на Нижнюю Карулю, в те места, где живут афонские отшельники. Лазили по лестницам, вдоль которых в самых опасных местах проложены цепи, заходили в пещеру, в которой жили монахи из сербского монастыря Хиландар и где остались их мощи, ходили по тропам над морем (камень до воды летит восемь секунд). Звучит опаснее, чем было на самом деле. В хорошую погоду там достаточно быть просто осторожным. Гораздо хуже, когда дождь или ветер – скользко и сдувает.

Прошли «игольное ушко» – большое отверстие в скале. Заходили в маленькие каливки, в которых живут монахи, правда, все они где-то в это время обретались, хотя видно, что жильё обжитое. Удивляет размер среды обитания – келья примерно 2,5×3–4 метра, примерно такая же маленькая домашняя церковь, раза в 4 больший дворик с очагом на улице, дрова к которому надо таскать на себе с горы. На краю дворика очаг для приготовления пищи. На самом обрыве – дощатый туалет. Вода обычно только дождевая из цистерны. Электричества скорей всего нет, хотя иногда кое-где стоят солнечные батареи.

Очень большой контраст с жизнью в больших монастырях. Но монахи спасаются там, куда их привёл Господь и Пресвятая Богородица.

Потом вышли уже на Верхнюю Карулю, к скиту Данилеи, знаменитому своими иконописцами и лучшими на Афоне певчими, которых приглашают в афонские монастыри и скиты на храмовые праздники (панегиры) и другие торжества.

А потом уже дорога известная и попроще: сначала – Малый Скит Св. Анны, потом Скит Св. Анны. Были у известного старца, которого все русские зовут Папа Янис (Иоаннис). Говорят, он уже 18 лет не был даже в Дафни. Но к нему приезжают за советом серьёзные люди из Греции и из России.

А затем уже и к нам в Новый Скит. Конечно, два дня такой ходьбы по горам, да ещё с непривычки – это непросто. Но в Уделе Пресвятой Богородицы всё происходит и воспринимается иначе, чем на Большой Земле. Тут Божия Мать решает, что и сколько ты можешь сделать, и если трудно – помолись, попроси, и обязательно твоя просьба будет услышана – получишь помощь.

Итак, паром отчалил от пристани Уранополи. Дальше пошли арсаны (пристани) монастырей и скитов – начиная от Болгарского Зографа, который сам находится в глубине полуострова и до главной пристани Афона – Дафни. Это примерно полтора часа, заходы занимают буквально несколько минут – подошли, открыли пандус, машины выехали, люди вышли, зашли – отход с поднятым пандусом. Мы на Афоне уже третий раз, и некоторые изменения видны. Где-то идёт строительство или ремонт построек (особенно заметно в русском монастыре Св. Пантелеимона), где-то на склонах виден сгоревший в прошлом году лес, когда полыхала четверть

Скит св. Анны

Свято-Пантелеимонов монастырь

полуострова и огонь ветром подгонялся уже к окраинам Уранополи. Бедствие, по рассказам, было из ряда вон выходящим, сухая погода вместе с сильным ветром сделали своё дело, но по молитвам монахов пошёл сильный ливень, который погасил и промочил всё, что могло гореть. Хотя все говорят, что обычно ливней в это время не бывает. Такова сила молитвы на Святой Горе – *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф., гл. 20).

Хотели бы ещё раз поговорить о нашем русском Св. Пантелеимоновом монастыре. Раньше он находился на другом месте – в центральной части полуострова, там и сейчас стоят здания – это Старая Руссика. По преданию, основан был дружинниками княгини Ольги – бабушки Крестителя земли Русской князя Владимира. И где-то около 1740 года был перенесён на новое место, где сейчас мы видим очень крупный по местным меркам городок – иначе не назовёшь комплекс зданий монастыря, который при взгляде на него с моря внушает уважение к делам наших прадедов, к масштабу их личностей и деяний, размаху их деятельности.

Всего, как известно, на Святой Горе 20 монастырей (и больше не будет – так решил Совет Святой Горы – Священный Кинот, ещё, насколько помню, в XVII веке) 17 греческих, один русский – Пантелеимонов, один сербский – Хиландар, и один болгарский – Зограф (художник). Есть ещё два наших русских скита – Илии Пророка (1849 год) и Андрея Первозванного, которые по своим масштабам обойдут многие монастыри. Они имеют великолепные храмы с красивейшими богатыми благолепными иконостасами, хотя

на Афоне все иконостасы даже в небольших церквучках – это воплощённая красота, высокохудожественный вкус их создателей, труд резчиков и позолотчиков высокого уровня, и всё это ещё покрыто благородным налётом старины в святом месте, где 400–500 лет непрерывной молитвы – это совсем немного. Но и в других местах присутствие России ощущается почти везде. Так, например, в Ватопеде в архондарике (гостинице), поднимаясь по лестнице на 5-й или 6-й этажи, видишь в пролётах русские иконы, подаренные ещё до октябрьского переворота русскими купцами и приезжими мирянами. И присутствие русских икон, русских святых, русских

паломников – это и есть теснейшая связь между Византией, Третьим Римом, и сегодняшней Грецией. Здесь-то эта связь видна совершенно отчётливо. При этом в конце XIX века русских на Афоне было даже чуть-чуть больше, чем греков. И, как многим кажется, этот факт не даёт им покоя до сих пор. Хотя, с другой стороны, давление со стороны Евросоюза на Грецию в плане влияния на Грецию тоже заметно и ощутимо. Евросоюз, оплачивая ремонт зданий, строительство дорог на Афоне, прокладку коммуникаций и так далее, в свою очередь, проталкивает право большего количества европейских туристов посещать Афон, хотя большинство из них, будучи либо католиками, либо атеистами, посещают Гору только с точки зрения посмотреть на ранее недоступное для них место. Также есть давление и по поводу доступа женщин на Афон (равенство полов, видите ли, ещё провозглашённое Французской революцией

Скит Илии Пророка

эгалите-фратерните). Но *Бог поругаем не бывает* (Гал., гл. 6 – 7) – и в нынешней экономической ситуации, им будет не до того. Да и не всегда на Афоне было так благостно и спокойно, как сейчас. Монашеская республика пережила очень многое – разграбление крестоносцами (хотя вроде как бы и христианае) набеги арабских, европейских и прочих пиратов, каталонских банд, сарацин и прочего сброда, желающего пограбить и поживиться. А после падения Константинополя турки грабили монастыри, убивали и продавали в рабство монахов, обложили непомерно

высокими налогами монастыри, придумывали изощрённые способы выкачать ещё денег уже в карман правителей. Число монахов резко сократилось, монастыри обеднели, и поехали гонцы в Россию за помощью. Во времена Алексея Михайловича Тишайшего около 10% российского бюджета плюс помощь частных лиц – бояр, монастырей и т.д. уходило на помощь православным братьям в Африке и Средиземноморье, собственно, за помощью они приезжали сами (почитайте мемуары архидиакона Павла Алеппского – где Сирия, а где Московия. Тем более, что ни самолетов, ни пароходов не было, и обоз двигался с черепашьей скоростью – это вам не один скачущий гонец). Хотя, конечно, движение

было и в другую сторону – один Феофан Грек со своими трудами чего стоит. В общем-то, культурный обмен с православными соседями, далекими и близкими, никогда не прекращался.

Также и Вторая мировая война, и немецкая оккупация Афона, поисковые работы Анненэрбе в архивах в поисках чего-нибудь вроде чаши Грааля, а также насильственный призыв молодых монахов, выкачивание всех пищевых продуктов из Греции вообще и из Афона в частности, вызвавшее голод – всё это привело к упадку монастырей, во многих из которых жизнь едва теплилась, ослабили порядок, молитва, из общежительных стали превращаться в обособительные (каждый сам по себе). И возрождение Афона, сильнейший подъём духовной жизни в монастырях начался после смерти в 1959 году величайшего из афонских молитвенников XX века – старца Иосифа Исихаста, когда ученики его по его благословию разошлись по монастырям Святой Горы и вскоре стали сами старцами, окормляющими монахов, и духовниками братии. А последнему из живых на сегодняшний день, Геронде Ефрему Филофейскому (известному ещё как Ефрем Американец), Господь сподобил самое чудное и самое, казалось бы, нерешаемое дело. Уже на закате жизни простой греческий монах, без денег, без связей, плохо зная английский язык, создал в Аризонской пустыне и других штатах 20 великолепных монастырей, живущих и цветущих посреди голой выжженной безводной пустыни. Если кто-нибудь сегодня спросит нас, а где они, чудеса XX века, сегодняшнего дня – покажите им, что с помощью Божией и по молитвам святых старцев может сделать один монах!

Но мы отвлеклись и, видимо, будем отвлекаться и далее. Слишком много всего накопилось в душе, поэтому простите нас, грешных. Надеемся, кому-нибудь это прибавит хоть немного любви и веры.

Старец Иосиф Исихаст

Продолжение в следующем номере.

ПОЭЗИЯ

На Богослужении

Игумен Виссарион (Остапенко)

Как отраднo молиться на службе,
Когда стихнет людская молва,
Тем, кто в мире со всеми и дружбе
И вникает в святые слова.

Кто, взирает, молясь, на иконы
При лампадном сияньи огня,
Совершает усердно поклоны,
К песнопенью вниманье храня;

Кто пустую мечту отменяет,
Благородным порывом горя,
Умиленно молитву читает,
Тихо стоя вблизи алтаря;

Кто собратьям обиды прощает,
Пожалев даже злейших врагов,
Благодатный покой ощущает,
Исходящий с Небесных кругов;

Кто на помощь святых призывает,
Упражняясь бденным трудом,
С кем Хранитель незримо бывает,
А лукавый бежит со стыдом;

Кто, пленившись монашеским пеньем,
На молитве стоит до конца,
Христианским проникнут терпением,
С ожиданьем от Бога венца;

Кто о бедных душою болеет,
Озабочен чем-либо помочь,
Своих сил и трудов не жалеет,
Угодая Творцу день и ночь;

Кто смиреньем себя украшает,
Привлекая с Небес благодать,
Благодарны труды совершает,
Возгораясь за правду страдать, —

Со слезами он будет молиться
При сияньи свечей восковых.
Его сердце в любви растворится,
За усопших молясь и живых.

В храме

Фёдор Тютчев

Сумерки, тени, лампы мерцание,
Запах горящих свечей,
Лики святые ласкает сияние
Их быстрокрылых лучей.

Слово молитвы, церковное пение,
Дым в алтаре голубой.
В сердце смущение, в сердце волнение,
Очи покрыты слезой.

В храме я вижу молитву народную;
Крепнет здесь вера моя.
Жизни осмысленной цель благородную
Здесь обретаю вновь я.

Приходской листок Патриаршего
подворья храма святителя Николая
Мирликийского у Соломенной сторожки.
Выходит один раз в месяц. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 01.03.14.
Отпечатано в типографии ООО "АСТРА-
ПОЛИГРАФИЯ"
Распространяется бесплатно.
© Храм святителя Николая Мирликийского у Соломенной сторожки

Настоятель храма
протоиерей Владимир Новицкий
Редактор *Е. Ю. Пятаева*
Дизайнеры-верстальщики: *И. Н. Сернова,*
М. Л. Котляревский
Корректор *Н. П. Воронина*
В подготовке выпуска участвовал
иерей Алексей Сорокин

Адрес редакции:
127434, Москва, Ивановская ул., дом 3
(ст. метро «Тимирязевская», парк «Дубки»)
Тел. (499) 977-99-31
E-mail: infos@agios-nicolos.ru
Адрес в Интернете: www.agios-nicolos.ru
При перепечатке ссылка на листок обязательна.